

ЛЕМБИТ ВАБА (Таллин)

ОБ ЭСТОНСКО-ЛАТЫШСКИХ ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТАХ *

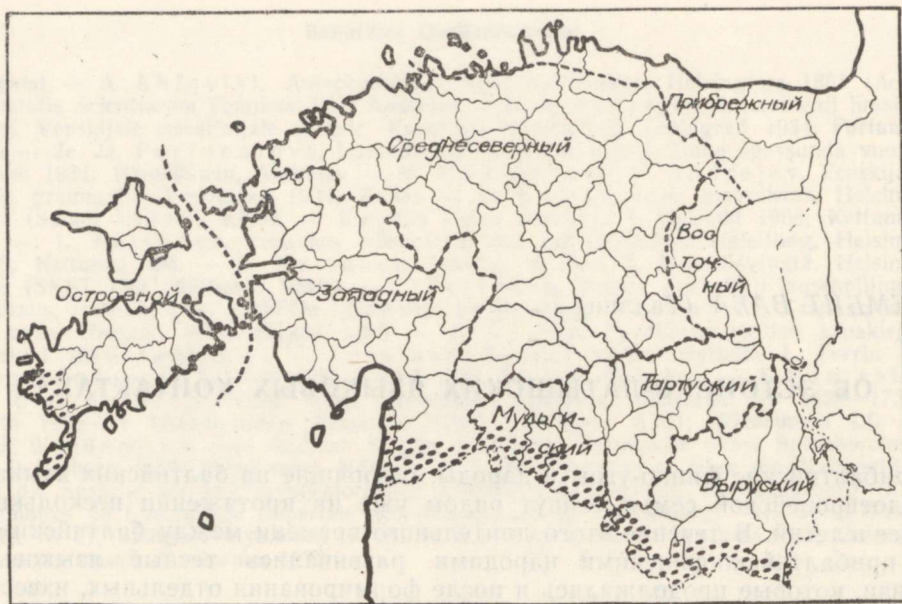
Прибалтийские финно-угры и народы, говорящие на балтийских языках индоевропейской семьи, живут рядом уже на протяжении нескольких тысячелетий. В течение этого длительного времени между балтийскими и прибалтийско-финскими народами развивались тесные языковые связи, которые продолжались и после формирования отдельных, известных по сегодняшней день балтийских и прибалтийско-финских языков и соответствующих племен в I тыс. н. э. Сюда относятся контакты между латышами и ливами, а также латышами и эстонцами.

Продолжительность и интенсивность эстонско-латышских языковых контактов в разных районах различны. Это находит выражение в первую очередь в локальной лексике латышского происхождения.

В эстонских диалектах, распространенных на территории Эстонии, и в литературном языке выявлены 254 латышских заимствования. Автор статьи выделяет такие ареалы локальных латышских заимствований, как остров Сааремаа, Мульгимаа вместе с бывшими приходами Хяэдемеэсте и Саарде, Юго-Восточная Эстония, а также языковые островки Лутси и Лейву в Латвии — в первую очередь район непосредственного соприкосновения контактирующих языков (см. карту).

Сааремаасцы тесно соприкасались с латышами из Курземе. Начиная с 60-х годов прошлого века они уходили с Сааремаа туда на летние заработки (Talvik 1913 : 70; Saaremaa 1934 : 454; Loorits 1941 : 109, 120). Места летних заработков находились в основном в глубинных районах, в 50—60 км от побережья Курземе, но иногда им удавалось найти работу и в прибрежных селениях ливов. До первой мировой войны мужчины с полуострова Сырве уходили на заработки также в Ригу (Saaremaa 1934 : 438). Из Курземе и Риги они возвращались, владея латышским языком. Типичный ареал латышских заимствований на о. Сааремаа довольно точно охватывает три самых западных прихода: Ямая, Ансекюла, Кихельконна. Распространение отдельных латышских заимствований шире либо они встречаются восточнее названных приходов (Карья, Вальяла, Пейде). Большинство латышских заимствований островного диалекта известны и в ливском языке. Предположительно то или иное латышское слово могло войти в островной диалект через ливский язык. В языках и говорах побережья Ирбенского залива наблюдаются некоторые языковые общности, которые позволяют говорить о языковом союзе (Аристэ 1954 : 272—274). В идиомах этих языков и говоров имеется общая лексика, анализируя которую, трудно сказать, что, кем и от кого заимствовано. Именно

* Доклад, прочитанный на Всесоюзном научном совещании финно-угроведов в октябре 1977 г. (Ужгород), с некоторыми дополнениями.

Диалекты эстонского языка. Точками отмечены типичные ареалы локальных латышских заимствований.

такими следует считать, по нашему мнению, слова *kaakaul* 'морянка' и *nägal* 'жадный, прожорливый'.

Типичным ареалом распространения латышских заимствований является Южная Эстония, исторически тесно связанная с Латвией. Важными торговыми центрами для Южной Эстонии были такие латышские города, как Рига, Цесис, Валмиера, Алуксне и др. В свое время Рига долгое время была административным центром Южной Эстонии. В Южной Эстонии целесообразно выделить такие регионы распространения латышских заимствований, как Мульгимаа вместе с Хяэдемеэсте и Саарде и Юго-Восточная Эстония.

Латышские заимствования мульгиского диалекта обычно встречаются также в Саарде и Хяэдемеэсте. Интересно, что и этнографический материал Саарде и Хяэдемеэсте содержит определенные южноэстонские черты (Моога 1956 : 232). Своеобразным подареалом является бывшая самая южная волость Орайыэ в Хяэдемеэсте, где зафиксировано много локальных заимствований, обычно неизвестных другим говорам. Это объясняется определенными историческими обстоятельствами. Для указанного района характерно смешанное население. До установления государственной границы между Эстонией и Латвией летом 1919 г. южная часть Орайыэ входила в состав латвийского прихода Салаца (Рäгпштаа 1930 : 340). Через Мульгимаа и Хяэдемеэсте-Саарде латышские слова могли проникнуть в говоры Центральной Эстонии.

Латышские заимствования вырусского диалекта иногда имеют распространение и на территории тартуского диалекта. Самостоятельным ареалом на территории вырусского диалекта является Харгла с окрестностями (Каагъярве в Карула, Краби в Рыуге). Там зарегистрировано около ста локальных заимствований, которые составляют треть словарного запаса латышского происхождения в эстонских говорах на территории Эстонской ССР. Из Карула и Харгла то или иное слово могло проникнуть и в соседние говоры (главным образом в Сангасте и Урва-

сте). Латышские заимствования, встречающиеся в районе Харгла, следует отнести к поздним, так как они относительно хорошо сохранили свой фонетический облик. К тому же в большинстве случаев они моносемантически и обычно не имеют производных форм. Заимствование этих слов можно датировать второй половиной прошлого века, когда в Харгла и Карула латыши покупали хутора, оживив тем самым языковые контакты (подробнее см. Vaba 1974 : 610).

Отдельные специфические латышские заимствования встречаются в Вастселийна и Сету. В окрестностях Миссо (в Вастселийна) наблюдается относительно позднее эстонско-латышское смешанное население. Латышская колония в Сетумаа образовалась в 60-е годы прошлого века (Setumaa 1928 : 95). Однако непосредственное языковое и культурное влияние ее не коснулось сету, так как латыши переселились главным образом на юг Сетумаа, т. е. в район русского заселения (Лавры, Ротово).

В Латвийской ССР находятся южноэстонские языковые островки Лутси и Лейву. Существование их объясняется исторически более широкой территорией заселения древней племенной группировки южных эстонцев, охватывавшей и современную Северную Латвию, которая в виде языковых островков Лутси и Лейву сохранилась в латышском окружении до настоящего века. Влияние латышского языка, а особенно окружающих восточных говоров, проявляется в фонетике, морфологии, синтаксических конструкциях и словарном запасе говоров Лутси и Лейву. На эстонских островках в Латвии зарегистрировано около 900 лексических заимствований латышского происхождения. Сейчас эти говоры почти полностью вымерли.

Ряд латышских заимствований широко известен также в североэстонских диалектах. Некоторые латышские заимствования, зарегистрированные в этих диалектах, даже неизвестны в Южной Эстонии. Распространению латышских заимствований в Северной Эстонии могли способствовать латышские переселенцы. Так, известно, что в XVI в. латыши жили в Вакнарве и Нарве (Mooga, Mooga 1960 : 38), а также в Люганузе (Eesti 1926 : 19, 53). Более известна латышская колония в Лайузе в конце XVIII или начале XIX в. (Kõrr 1937 : 359, 417, 419).

Латышские заимствования в эстонском языке не могут быть древнее периода самостоятельного развития контактирующих языков, т. е. первой, или, что правдоподобнее, второй половины I тыс. н. э. По мнению Сааресте, оживление языковых контактов, вероятно, относится к XIII в., когда латыши поселились в непосредственном соседстве с эстонцами (Saareste 1937 : 10). Более древние латышские заимствования по фонетическим признакам не всегда легко отличить от балтийских. В целом лексика латышского происхождения в эстонском языке отражает те фонетические изменения, которые имели место в исходном языке в период его самостоятельного развития, например: $k > c$, $\acute{g} > dz$, тавтосиллабические соединения $an > uo$, $en > ie$, $in > i$ и $un > \ddot{u}$. Латышское происхождение того или иного слова подтверждается и его распространением, ибо латышские заимствования в группе прибалтийско-финских языков наблюдаются, как правило, только в эстонском и ливском языках.

При выяснении приблизительной хронологии латышских заимствований используются следующие критерии: определенные фонетические признаки, наличие слов в ранних лексикографических источниках и народных песнях, территориальное распространение, связь слов с более точно датируемыми культурными явлениями. Эти лингвистические и экстралингвистические данные при сопоставлении и обобщении позво-

ляют условно различить два пласта заимствований — древний и поздний.

Разные субституты того или иного звука могут указывать на различное время заимствования. Ср. наличие двойного вокализма в начальном слоге слов *sard* 'сушило' и *saard* 'подстожье', *udras* и *oudras* ~ *oudrõ* 'выдра', *vanik* и *vainag* 'венки из цветов'. В латышских заимствованиях *kuuas* 'топорище' и *täüdäs* 'деготь', распространенных в южно-эстонских говорах, сохранилось историческое окончание именительного падежа ед. ч. существительного *-as. Следовательно, эти слова заимствованы до XVI в., когда перед окончанием номинатива ед. ч. -s краткий *a* еще сохранялся (Endzelin 1922 : 49 и сл.).

Лексикографические источники эстонского языка имеются начиная с XVII в. Но первые случаи употребления в ранних эстонских грамматиках и словарях не позволяют утверждать ante quem поп, а скорее указывают на обширное распространение и укорененность данного слова.

Язык старинных эстонских народных песен в основном диалектный, вследствие чего в них наряду с широко известными латышскими заимствованиями встречаются и слова, распространенные лишь на относительно узкой территории. Наличие локальных слов латышского происхождения в народных песнях служит косвенным доказательством раннего заимствования.

Распространение заимствованных слов может также косвенно способствовать выявлению их хронологии. Так, латышские заимствования, имеющие широкое распространение, несомненно относятся к древнему пласту заимствований. В то же время к более позднему пласту заимствований по другим критериям могут принадлежать и локальные латышские заимствования; сюда относятся южноэст. (*h*) *õõlas* 'ряд, ряд (ок) картофеля, ряд зерен в колосе, прокос', *kuuas* 'топорище', *ägel* ~ *ägli* 'борона' и др., а также распространенное в западном диалекте *rääts* 'плетеная корзина'. Довольно часто наблюдается широкое географическое распространение именно поздних латышских заимствований, что объясняется различными психологическими, историческими или другими внеязыковыми факторами. Ряд латышских слов, известных лишь в некоторых говорах, стал общеупотребительным благодаря литературному языку, например: *kõuts* 'кот', *laabuma* 'спориться, удаваться', ? *pälvima* 'заслуживать'.

В отдельных случаях культурные явления дают возможность приблизительно установить время заимствования слов, связанных с ними. По примеру латышей в конце прошлого и начале нашего века в Эстонии во многих местах стали пользоваться новым орудием труда — *rauts* 'коса с короткой рукояткой, горбуша' (в юго-восточной части Эстонии *iirouts*). Знакомство с топором для тески шпал и его латышским названием *lutt* связано с началом строительства железной дороги в Эстонии во второй половине XIX в. Примерно в то же время в Харгла стали петь песни *liigo* 'латышские песни Иванова дня с припевом «лиго»'.

ЛИТЕРАТУРА

- Аристэ П. (1954, К вопросу о развитии ливского языка. — Труды Института языкознания АН СССР IV, Москва, 254—307.
 Eesti. Maa, rahvas, kultuur, 1926, Tartu.
 Endzelin, J. 1922, Lettische Grammatik, Riga.
 Kõpp, J. 1937, Laiuse kihelkonna ajalugu, Tartu.
 Loorits, O. 1941, Endis-Eesti elu-olu II. Lugemispalu metsaelust ja jahindusest, Tartu (Riiklik Kirjandusmuuseum. Folkloristika osakonna toimetused 15).

- Moora, A. 1956, Ajaloolis-etnograafilistest valdkondadest Eestis. — Eesti rahva etnilisest ajaloost, Tallinn, 212—254.
- Moora, H., Moora, A. 1960, Baltimaade ajaloolis-kultuuriliste allvaldkondade ja vähemate alljaotuste kujunemisest. — Etnograafiamuseumi Aastaraamat XVII, Tallinn, 20—76.
- Pärnumaa. Eesti. Maateaduslik, tulunduslik ja ajalooline kirjeldus IV, 1930, Tartu.
- Saaremaa. Eesti. Maateaduslik, tulunduslik ja ajalooline kirjeldus VI, 1934, Tartu.
- Saarest, A. 1937, Eesti keel XIII—XVI sajandil, Tartu (Eesti Keele Arhiivi Toimetised 11).
- Setumaa. Eesti. Maateaduslik, tulunduslik ja ajalooline kirjeldus II, 1928, Tartu.
- Talvik, S. 1913, Väljas veeremas. — Oma Maa II, Tartu, 17—76.
- Vaba, L. 1974, Läti sõnalaene Harglas. — KK, 605—610.

LEMBIT VABA (Tallinn)

ÜBER ESTNISCH-LETTISCHE SPRACHKONTAKTE

Der vorliegende Artikel stellt einen Überblick über die typischen Verbreitungsgebiete lettischer Lehnwörter im Estnischen dar (s. Karte, Verbreitungsgebiete punktiert). Zugleich werden die Entlehnungshintergründe in den genannten Gebieten charakterisiert. Im weiteren behandelt man die Chronologie der lettischen Lehnwörter. Folgende Kriterien, die bei der Bestimmung des relativen Alters der lettischen Lehnwörter in Betracht kommen, werden dabei analysiert: Verschiedene Substitution von Lauten oder Lautverbindungen; das Vorkommen der Entlehnungen in der älteren estnischen Lexikographie und in Volksliedern; Verbreitungsweite; Zusammenhänge der Wortentlehnungen mit genauer datierten lettischen Kulturerscheinungen.